

ТРАНСРЕГИОНАЛЬНАЯ ЦИФРОВАЯ БИГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ЕВРАЗИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Е. Г. ГОСПОДАРИК^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
пр. Ленинградский, 49, 125167, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследуются главные тренды XXI в. – биглобализация, цифровизация и трансрегионализация, а также их влияние на ЕАЭС в целом и Республику Беларусь в частности. Дается подробный обзор литературы и рассматриваются проблемы, которые могут возникнуть при дальнейшем научном исследовании. Выявляются факторы, способствовавшие биглобализации, выделяются разные стадии глобализации на основе экспортной квоты, анализируется влияние цифровизации на трансрегионализацию, приводится модель измерения значимости трансрегиональных объединений. Предлагаются девять приоритетов трансрегионализации ЕАЭС с акцентированием внимания на новых возможностях для Республики Беларусь.

Ключевые слова: глобализация; биглобализация; интеграционные объединения; трансрегионализация; санкции; цифровизация; конвергенция; ШОС; НАФТА; МЕРКОСУР; БРИКС+; ЕАЭС.

TRANSREGIONAL DIGITAL BIGLOBALISATION: METHODOLOGY, THEORY, EURASIAN PRACTICE

C. G. GOSPODARIK^{a, b}

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bFinancial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradskii Avenue, Moscow 125167, Russia

Abstract. The article examines the main trends of the 21st century (biglobalisation, digitalisation and transregionalisation) and their impact on the EAEU and the Republic of Belarus. A detailed review of the literature is provided and problems for further scientific research are analysed. Factors contributing to biglobalisation are identified, different stages of globalisation are distinguished based on export quotas, the impact of digitalisation on transregionalisation is analysed, and a model measuring the significance of transregional associations is presented. Nine priorities for transregionalisation of the EAEU are proposed with a focus on new opportunities for the Republic of Belarus.

Keywords: globalisation; biglobalisation; integration associations; transregionalisation; sanctions; digitalisation; convergence; SCO; NAFTA; MERCOSUR; BRICS+; EAEU.

Образец цитирования:

Господарик Е.Г. Трансрегиональная цифровая биглобализация: методология, теория, евразийская практика. *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика*. 2024;1:41–59.
EDN: MHRQPT

For citation:

Gospodarik CG. Transregional digital biglobalisation: methodology, theory, Eurasian practice. *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2024;1:41–59. Russian.
EDN: MHRQPT

Автор:

Екатерина Геннадьевна Господарик – кандидат экономических наук, доцент; заведующий кафедрой аналитической экономики и эконометрики экономического факультета¹⁾; профессор кафедры бизнес-аналитики²⁾.

Author:

Catherine G. Gospodarik, PhD (economics), docent; head of the department of analytical economics and econometrics, faculty of economics^a, and professor at the department of business analysis^b.
gospodarik@bsu.by

Главные тенденции развития мировой экономики

Три главных тренда мировой экономики XXI в. – биглобализация, цифровизация и трансрегионализация – развиваются при полной неопределенности и активной турбулентности, вызванных мировой инфляцией, обслуживанием высоких государственных долгов, радикальной перестройкой энергетической торговли и логистики, ограничениями на трансграничные потоки высокотехнологичных товаров, нарастающими проблемами западных пенсионных фондов, наступлениями финансовых технологий на банки и ростом доли цифровых валют среди фиатных. Но главное в новых трендах – это стремительное возвышение Китая, уверенно реализующего китайскую мечту о восстановлении значимости своей страны в мировом экономическом пространстве. Доля в мировой экономике Китая с его специальными административными районами (САР) Сянган (Гонконг) и Аомынь (Макао) в 2023 г. достигла 18,8 % при счете ВВП по ППС, т. е. по паритетным (американским) ценам, в 2000 г. данный показатель составлял 7,6 %, при этом, по данным МВФ, доля американской экономики в мировой экономике в XXI в. уменьшилась с 20,3 до 15,4 %. Китай со значительным отрывом является лидером в мировой экономике по ППС, в ближайшие годы он опередит по данному показателю США и при пересчете по обменному курсу. Отметим, что, по старым отчетам МВФ, китайский ВВП по ППС превысил американский уже в 2016 г., но позже МВФ изменил паритетный курс юаня, чтобы замедлить обгон США, и до сих пор при подсчете ВВП Китая не рассматривают два САР.

Кроме того, стремительно растут экономики Индии (3-е место в мире), Индонезии (7-е место), Бразилии (8-е место), которые, по прогнозу банка «Голдман Сакс» (*Goldman Sachs*), к 2075 г. займут 2, 4 и 8-е места соответственно, а на 5-е и 6-е места выйдут Нигерия, Пакистан и Египет, Россия же из-за санкций и нехватки трудовых ресурсов опустится на 13-е место в мировой экономике. Китай по-прежнему занимает лидирующую позицию в мировой экономике, в то время как Западная Европа (сегодня это 27 стран) замедлила развитие в данной сфере, доля экономик членов ЕС в мировой экономике стремительно снижается (на 0,3–0,4 % в год). Рецессии ЕС способствуют отказ от дешевых российских ресурсов, переход на дорогой американский сжиженный газ, потеря российского рынка и другие факторы, уменьшающие и так низкую конкурентоспособность европейских товаров по сравнению с китайскими. Введение санкций против России и Китая окончательно разделило глобальную экономику на региональные рынки сырья и готовой продукции, цены на которых отличаются. Этот раздел и переориентация мировых торговых потоков углубляют «геоэкономическую фрагментацию» (термин руководителя МВФ К. Георгиевой), или медленную глобализацию (*slowbalisation*), двухполярную глобализацию, глобализацию с китайскими характеристиками (*globalisation with Chinese characteristics*). В настоящем исследовании данный процесс называется биглобализацией.

Геоэкономическая фрагментация может привести к потере 7 % мирового ВВП в ближайшие годы, с чем МВФ рекомендует бороться посредством снижения долговой нагрузки, устранения торговых барьеров, особенно для борьбы с дефицитом продовольствия, и создания дешевой цифровой системы трансграничных платежей (цифровая альтернатива SWIFT). Усугубляющееся технологическое разделение может повлечь за собой потерю еще 12 % ВВП. Конкуренция, в первую очередь ресурсная, инвестиционная и технологическая, между китайским и западным миром неминуемо будет нарастать и приобретет даже больший масштаб, чем холодная война СССР и Запада из-за совокупного объема экономик Китая, США и стран ЕС. Существовавшая экономическая глобализация уйдет в прошлое и постепенно будет заменена биглобализацией с ее технологиями и расчетными валютами.

Фрагментация мировой экономики требует трансрегионализации, т. е. сотрудничества между региональными объединениями стран Юга, поэтому так важна трансрегионализация ЕАЭС с СНГ, БРИКС+, ШОС, АСЕАН¹, инициативой «Один пояс, один путь» и др. В трансрегиональном партнерстве с этими блоками ЕАЭС получит импульсы к технологическому и цифровому развитию. Безусловно, ЕАЭС мог бы иметь больше выгод, выполняя функцию моста между Югом и Севером, но в условиях санкций такое посредничество трудно организовать даже в области логистики. В настоящее время Казахстан, Кыргызстан и Армения еще пытаются взаимодействовать с Западом и Востоком, но с обострением противоречий в дальнейшем такое взаимодействие вряд ли получится сохранить. ЕАЭС имеет перспективы в трансрегиональной интеграции с блоками, где доминирует Китай, поэтому союзу следует активно включаться в китайские проекты для всеобщей выгоды.

Параллельно с биглобализацией и трансрегионализацией бурно идет замена традиционных глобальных торгово-инвестиционных связей на цифровые бизнес-коммуникации: глобальные социально-маркетин-

¹БРИКС+ включает, помимо стран-учредителей (Бразилии, России, Казахстана, Индии, Китая), ЮАР, Египет, Эфиопию, Иран и ОАЭ. В ШОС входят, помимо стран-учредителей (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан), Индия, Пакистан и Иран. К лету 2024 г. в него будет принята Беларусь. АСЕАН включает 10 стран Юго-Восточной Азии: Индонезию, Малайзию, Сингапур, Тайланд, Филиппины, Бруней, Лаос, Мьянму, Вьетнам, Камбоджу – и имеет соглашения о зоне свободной торговли с Китаем, Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией.

говые сети, трансграничную торговлю цифровыми товарами и услугами и международную электронную торговлю на базе глобальных маркетплейсов. Совокупность всех этих процессов будем называть цифровой трансрегиональной биглобализацией. Данная категория нуждается в научном осмыслении.

Обзор литературы и постановка научных проблем

Научная проработка проблем, связанных с трансрегиональным взаимодействием ЕАЭС с новым биглобальным цифровым миром, только начинается. В последние годы данной тематикой занимались В. А. Май, Б. А. Хейфец, И. В. Андропова, И. Н. Белова, М. В. Гопеева, И. Богачева, Г. Г. Головенчик, Е. Г. Господарик, М. М. Ковалёв, С. Зинченко, Л. З. Зевина, К. Пастел-Винай (K. Postel-Vinay), К. Шваб (K. Schwab), а также Глобальный институт МакКинзи (*McKinsey Global Institute*), клуб «Валдай», Высшая школа экономики, банк «Голдман Сакс», Всемирный экономический форум, Национальный совет по разведке при ЦРУ, RAND и др.). Особо начинают изучаться нетрадиционные институциональные формы трансрегиональных объединений: БРИКС+, ЕАЭС и АСЕАН, ЕАЭС и БРИКС+, ЕАЭС и ШОС, а также инициатива «Один пояс, один путь», западный альянс производителей чипов «Chips Four», I2U2² и др. В работах [1; 3] предпринята попытка выявить следствия биглобализации для экономического роста стран, региональных объединений в частности и мира в целом. Дело в том, что переход после мирового финансового кризиса от золотой эры глобализации (1990–2008) к биглобализации способствовал повышению важности роли региональных объединений и их взаимодействия (трансрегионализации). Трансрегионализм – новый феномен международного сотрудничества, заключающийся в формировании международных кластеров, создаваемых традиционными региональными объединениями государств. Так, это институционализация сотрудничества Китая и еще 150 стран инициативы «Один пояс, один путь» или сотрудничество между региональными интеграционными блоками, например между ЕС и АСЕАН, ЕС и МЕРКОСУР³ и т. д.

Первая научная проблема – характеристика новой стадии цифровой биглобализации, а также выявление ее места в исторической периодизации стадий глобализации.

Вторая научная проблема – измерение эффективности трансрегионализации. В соответствии с понятием «эффективность экономической системы» (по Парето) в работе [3] были предложены индикаторы и математический инструментарий для измерения результативности, а также экономической и финансовой эффективности региональных объединений. Автор предлагает дополнить вышеупомянутые индикаторы тремя новыми: 1) скоростью конвергенции (сводный индекс темпов выравнивания уровня развития стран – членов трансрегиональных объединений); 2) относительной эффективностью (оболочечный анализ данных (DEA), оценивающий отношение «входа» (потенциал интеграции) и «выхода» (результат интеграции), т. е. степень достижения оптимума Парето для интегрирующихся стран); 3) двухкоординатной моделью значимости трансрегионального объединения. Некоторые похожие индикаторы использованы в работе [4].

Третья научная проблема – это оценка экономической эффективности цифровизации объединений, вклада цифровой трансформации в экологический рост (первые шаги для решения этой проблемы сделаны в работах [5; 6]).

Первая из традиционных, но требующих переосмысления в связи с новыми процессами тем – глобализация. Экономисты под глобализацией понимают «процесс возрастания экономического взаимодействия стран мира вследствие все более тесной интеграции (сращивания) их национальных рынков товаров, услуг и капиталов, а также все более активного перемещения людей и распространения информации за пределы национальных границ» [7, с. 23]. Важнейшей проблемой глобализации является характеристика ее стадий. Взгляд на эту проблему демонстрируют табл. 1 и 2, рис. 1. В его основе лежит динамика главного индикатора – экспортной квоты, которая показывает, что процессы глобализации активно развивались после первой промышленной революции благодаря торговле инвестиционными товарами (паровыми машинами, паровозами, пароходами) в условиях золотого стандарта в 1820–1913 гг. (глобализация 1.0). В период между мировыми войнами произошла деглобализация, а после Второй мировой войны в 1950–1990 гг. валютные правила Бреттон-Вуда вызвали либерализацию торговли и использование странами сравнительных преимуществ (глобализация 2.0). В золотую эру, которая началась в 1990 г., а закончилась в 2008 г. с наступлением финансового кризиса, свой вклад в глобализацию внесли страны бывшего Совета экономической взаимопомощи и Китай (этот новый рывок и есть глобализация 3.0). С 2010 г. начался период стагнации традиционной глобализации и ее смена цифровой глобализацией, а также Китай начал свое восхождение к статусу мирового лидера (глобализация 4.0, или цифровая биглобализация).

²Группа I2U2 включает Индию, Израиль, ОАЭ и США.

³В МЕРКОСУР входят Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай.

Таблица 1

Динамика индикаторов мировой экономики в 1990, 2000, 2008, 2010 и 2023 гг.

Table 1

Dynamics of the world economy indicators in 1990, 2000, 2008, 2010 and 2023

Индикатор	Год				
	1990	2000	2008	2010	2023
Мировой ВВП по ППС, млрд долл. США	27 712	50 594	84 480	90 250	175 784
Мировой ВВП по обменному курсу, млрд долл. США	22 643	34 103	64 226	66 527	104 791
Мировой экспорт товаров, млрд долл. США	3490	6454	16 169	15 302	23 783
Экспортная квота по товарам в ВВП по ППС, %	12,6	12,8	19,1	17,0	13,5
Экспортная квота по товарам в ВВП по обменному курсу, %	15,4	18,9	25,2	23,0	22,7
Мировой экспорт услуг, млрд долл. США	831	1522	4086	3989	7931
Экспортная квота по услугам в ВВП по ППС, %	3,0	3,0	4,8	4,4	4,5
Экспортная квота по услугам в ВВП по обменному курсу, %	3,7	4,5	6,4	6,0	7,6
Мировые выведенные прямые иностранные инвестиции (ПИИ), млрд долл. США	244	1163	2191*	1391	1490**
Доля мировых выведенных ПИИ в инвестициях, %	4,1	14,0	14,8	8,9	5,5**
Доля мировых выведенных ПИИ в ВВП по ППС, %	0,9	2,3	2,7	1,5	0,9**
Доля мировых выведенных ПИИ в ВВП по обменному курсу, %	1,1	3,4	3,9	2,1	1,5**

Примечание. Рассчитано по базе данных «Мировой экономический обзор» МВФ, а также по базам данных ВТО, ЮНКТАД.

*Данные за 2007 г.

**Данные по ПИИ за 2022 г.

Таблица 2

Сравнительный анализ индикаторов глобализации
в 1990–2008 и 2010–2023 гг.

Table 2

Comparative analysis of indicators of globalisation
during 1990–2008 and 2010–2023

Индикатор	Глобализация 3.0 (1990–2008)	Глобализация 4.0 (2010–2023)
Среднегодовой рост мирового ВВП, %	5,9	3,6
Среднегодовой рост мировой торговли товарами, %	8,9	3,5
Эластичность роста торговли товарами от роста мирового ВВП, количество раз	1,5	1,0
Среднегодовой рост экспорта услуг, %	9,3	5,4
Эластичность роста торговли услугами от роста мирового ВВП, количество раз	1,6	1,5
Экспортная квота по товарам и услугам на начало периода / на конец периода, %	19,1/31,5	29,0/30,3
Среднегодовой рост экспорта ПИИ, %	13,8	0,6
Доля экспорта ПИИ в мировом ВВП на начало периода / на конец периода, %	5,4/3,7	2,1/1,5

Примечания: 1. Данные ВВП по обменному курсу. 2. Рассчитано по базам данных Всемирного банка, МВФ, ЮНКТАД.

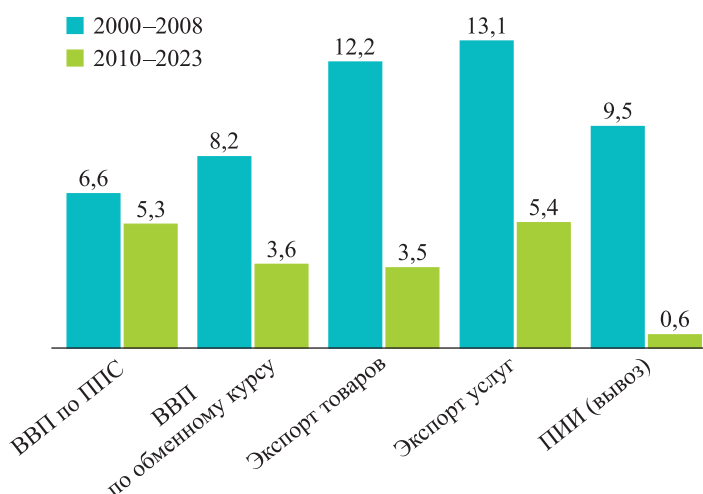

Рис. 1. Среднегодовые темпы роста мирового ВВП, экспорта и ПИИ в XXI в. до финансового кризиса и после него, %
(темпы роста вычислены на основе данных табл. 1 и даны в текущих долларах;
среднегодовая инфляция доллара в 2000–2008 гг. – 2,8 %, в 2010–2023 гг. – 2,6 %)

Fig. 1. Average annual growth rates of world GDP, exports and foreign direct investment in the 21st century before the financial crisis and after it, %
(growth rates are calculated based on the data in table 1 and are given in current dollars;
average annual dollar inflation in 2000–2008 is 2.8 %, in 2010–2023 is 2.6 %)

Мировая торговля товарами с 1990 г. до финансового кризиса в результате включения Китая и других развивающихся стран в глобальные цепочки добавленной стоимости росла быстрее мирового ВВП, поэтому экспортная квота выросла с 15,4 до 25,2 %. С 2010 г. рост экспорта товаров замедлился и экспортная квота снизилась до 22,7 % в 2023 г., несмотря на компенсацию экспортных недопоставок во время COVID-19 и мировой рост сырьевых и продовольственных цен. Заметим, что мировая торговля товарами с начала века выросла по стоимости более чем в 3,0 раза при росте ее объема только в 1,9 раза. Причинами замедления темпов роста мировой торговли товарами после 2010 г. являются протекционизм и импортозамещение в развитых странах (возврат производства высокотехнологичных товаров домой) из-за санкций, роботизации и т. д. Замедление роста ПИИ вызвано снижением их доходности.

Снижение вывезенных ПИИ с 2,2 трлн долл. США в 2007 г. до примерно 1,5 трлн долл. США в 2010 г. произошло в силу следующих причин. Во-первых, повышение зарплат в странах, в которые выносилось производство, снизило рентабельность ПИИ с 9,2 % в 2005–2007 гг. до 4,9 % в 2020–2022 гг., во-вторых, произошел резкий рост логистических издержек и сбоев в доставках. В связи с этим выросшая с 5 до 15–20 % в 1990–2007 гг. доля ПИИ в накоплении основного капитала после финансового кризиса упала до 5,5 % в 2022 г. Значимость ПИИ в инвестиционном процессе стала небольшой, поскольку национальный капитал вновь составляет большую часть инвестиций. Трансграничные портфельные инвестиции также практически не растут, равно как и трансграничные кредиты, из-за жесткости банковских правил (Базель III). Проблема трансграничных инвестиций на стадии цифровой биглобализации требует дальнейшего изучения таких индикаторов, как отношение к ВВП трансграничного движения всех видов капитала, включая криптовалюты, и их доля в сумме иностранных активов и обязательств с выделением составляющих по потокам внутри- и внерегиональных объединений.

Таким образом, финансовый кризис 2008–2009 гг. является переломным моментом в трансграничном движении товаров, услуг, а также капитала, о чем свидетельствуют рис. 2 и все приведенные индикаторы глобализации.

Проблемы, связанные с переходом к цифровой глобализации, детально изучены в серии статей и монографий Г. Г. Головенчик (они обобщены, например, в работе [6]), там же дана более детальная периодизация глобализации. Понятия «цифровая глобализация» и «трансрегионализация» начинают изучаться многими авторами (см. [8–10]). Вклад цифровой глобализации в экономический рост оценивают с помощью эконометрических моделей роста с включением в них показателей цифровизации [7; 8; 11–14]. Так, например, Глобальный институт МакКинзи [8] в эконометрические модели роста ввел новые переменные (трансграничные потоки товаров, капитала, людей, данных) и на панели из 97 стран показал, что за 1995–2013 гг. трансграничные потоки увеличили мировой ВВП примерно на 10 % (наибольший вклад в этот процесс внесли трансграничные потоки данных). Распространение идей из трудов [7; 8]

на отрасли экономики и предприятия выработает способы оценки экономической эффективности их цифровой трансформации, что позволит формулировать приоритеты цифровой трансформации их экономической эффективности. Также существует необходимость разработки методик оценки отдельных дивидендов от цифровой глобализации, таких как сетевые эффекты сокращения транзакционных и маркетинговых издержек, эффекты улучшения качества управления и прогнозирования с помощью аналитики больших данных и искусственного интеллекта (ИИ). Для разработки таких методик нужно реформировать национальные планы счетов в целях измерения валовой добавленной стоимости, созданной за счет цифровизации, например, транснациональными цифровыми компаниями *Meta (Facebook)*, *Alphabet (Google)*, *Amazon*, *Alibaba* и др.

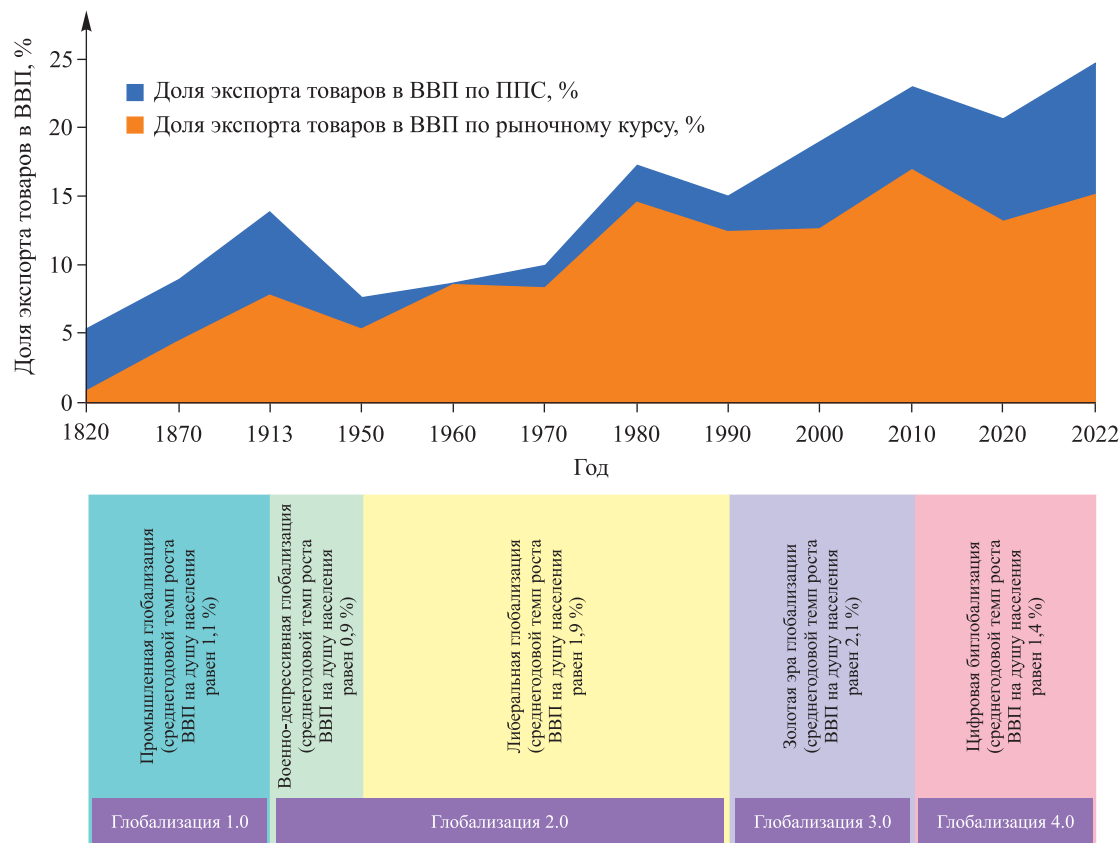

Рис. 2. Экспортная квота (доля мирового экспорта товаров в мировом ВВП) на пяти стадиях глобализации и среднегодовой рост ВВП по ППС на душу населения в постоянных долларах с 1820 по 2022 г. (рассчитано по материалам работы [15], базе данных «Penn world tables», а также по базам данных МВФ, ВТО)

Fig. 2. Export quota (share of world merchandise exports in world GDP) at five stages of globalisation and average annual PPP GDP growth per capita in constant dollars from 1820 to 2022 (calculated from [15], «Penn world tables» database and IMF, WTO databases)

Неисследованными остаются также следующие проблемы, связанные с переходом к цифровой трансрегиональной биглобализации:

- подтверждение действительности достижения мировой экспортной квотой по товарам предела в 13–14 % от ВВП по ППС и в 22–23 % от ВВП по рыночному курсу, а также остановка ее роста, так как сравнительные преимущества иссякли (страны стали производить традиционные товары в основном для себя, трансгранично они конкурируют в производстве цифровых товаров и инструментов для работы с ними);
- выявление пределов национального протекционизма в рамках новой индустриальной политики по возврату старых и запуску новых высокотехнологичных производств в собственных странах (в США в 2022 г. расходы на строительство предприятий по производству полупроводников достигли рекордных 108 млрд долл. США);
- установление степени торможения развития Китая – нынешнего двигателя цифровой трансрегиональной биглобализации – различными попытками Запада технологически его изолировать, в первую

очередь посредством запрета на экспорт в Китай передовых технологий и оборудования для производства микросхем (принятый в США Закон о чипах и науке);

- определение возможности Китая посредством стимулирования и поддержки цифровой трансрегиональной биглобализации сохранить свою товарную и инвестиционную активность и расширить влияние в мире с помощью собственных социальных сетей и другими путями;
- нахождение способов измерения сокращения транзакционных издержек в трансграничных глобальных процессах благодаря цифровизации.

Китай, биглобализация и трансрегионализация

В XXI в. сначала Китай, а затем Индия, Вьетнам, Индонезия и другие азиатские страны, получая большие дивиденды от экономической глобализации, чем США, перехватили инициативу и стали в противовес зарождающемуся в США и ЕС протекционизму лидерами новой цифровой трансрегиональной биглобализации. Такой главный современный тренд, как разделение мировой экономики на два глобальных мира – американский (*pax Americana*) и китайский (*pax Sinica*), привел к стремительному снижению взаимодействия в области движения капитала и высокотехнологичных товаров. Переход от мира, в котором доминировали только США, диктовавшие с помощью МВФ, ВТО и других международных организаций глобальные экономические порядки, к биглобальному миру с двумя лидерами осуществляется болезненно. Экономическое соперничество Китая и США «парализовало» многие международные организации, в частности ВТО. Многие экономисты считают, что эпоха биглобализации будет менее стабильной, более несправедливой, но при этом поможет быстрее утвердиться Китаю как гегемону.

Предпосылками формирования биглобализации стали следующие действия Китая и США [2]:

- неучастие Китая с 1998 г. в цифровых ресурсах *Twitter*, *Wikipedia*, *YouTube*, *Facebook*, *Google* и т. д.;
- создание в 2001 г. ШОС, включающей сегодня в качестве членов наблюдателей, партнеров и кандидатов более 30 стран мира;
- создание в 2006 г. интеграционного объединения БРИКС, противостоящего США;
- объявление Китаем в 2013 г. торгово-логистической инициативы «Один пояс, один путь», в которую вошли примерно 150 государств;
- ограничение доступа Китая к американским перспективным технологиям и компетенциям (санкции США на высокотехнологичный экспорт в Китай, возврат из Китая американских высокотехнологичных предприятий, рекомендации по борьбе со шпионажем в науке, ограничение возможностей для учебы китайских студентов)⁴;
- принятие в США, а затем в ЕС законов об ограничении иностранных (китайских) инвестиций в целях обеспечения национальной безопасности, нарушившее свободу движения капитала между двумя глобализационными блоками и затруднившее покупку Китаем высокотехнологичных предприятий в США и ЕС;
- запрет в 2022 г. импорта коммуникационного оборудования из Китая и санкции против компаний *Huawei* и *ZTE*;
- создание США в 2021 г. альянса AUKUS с Австралией и Великобританией и возрождение партнерства по безопасности в рамках четырехстороннего диалога по безопасности (США, Индия, Австралия, Япония), направленные против Китая.

Биглобализацию ускорили следующие факторы:

- введение санкций в 2022 г. в отношении России и Беларуси, сместивших эти страны в сторону китайского глобального мира и прекративших попытки российских либералов наладить отношения с США⁵;
- замораживание золотовалютных резервов России, которое уменьшило уровень доверия стран китайского глобального мира к США и ЕС как гарантам сохранности резервов и привело к росту значимости юаня как новой резервной валюты;
- отключение ряда российских и белорусских банков от западных платежных систем, что привело к расширению использования китайских систем банковских переводов и снижению роли доллара США как платежной и резервной валюты в странах китайского глобального мира.

Перечисленные процессы вызвали потребность в быстрой трансрегионализации ЕАЭС с БРИКС+, ШОС, АСЕАН, странами инициативы «Один пояс, один путь» и переходе от глобализации, ориентированной на США, к глобализации, ориентированной на Китай. Этому переходу способствовала экономическая помощь Китая странам своего глобального мира под лозунгом о строительстве сообщества единой судьбы. Создание трансрегиональных блоков во главе с Китаем вызывает локализацию цепочек

⁴ На наш взгляд, все эти меры запоздали, поскольку Китай перешел от заимствований к собственным инновациям.

⁵ Переориентация поставок российских нефти и газа с ЕС на Китай и Индию сделала продукцию этих стран еще более конкурентоспособной. Страны ЕС вынуждены использовать дорогой американский сжиженный газ и танкерную нефть.

добавленной стоимости при решоринге (возврате производств) в западные страны. Начинают формироваться две системы мирового регулирования стандартов, особенно в области цифровой экономики и кибербезопасности. Противодействие существующим и возможным санкциям требует обеспечения трансрегиональной безопасности в продовольственной, энергетической и биомедицинской сферах.

На рис. 3 изображена траектория движения основных блоков американского и китайского глобальных миров в XXI в., т. е. с 2000 по 2022 г., в предложенной двухкоординатной системе, где ось абсцисс – доля страны в мировом ВВП по ППС, ось ординат – доля страны в мировой торговле. Такая двухкоординатная модель указывает, насколько повышается или понижается экономическая и торговая значимость блоков в мире, т. е. предложенная модель демонстрирует восходящие и угасающие региональные объединения. Очевиден рост значимости в мире блоков ШОС, БРИКС+, АСЕАН, отчасти ЕАЭС и сжатие блоков ЕС, НАФТА и стран «Большой семерки». Можно сформулировать главную тенденцию развития экономики в XXI в.: экономическая, торговая, а соответственно, и геополитическая значимость блока стран, возглавляемого США, стремительно снижается, в то время как мировая роль и влияние объединений, в которые входят Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам, Сингапур, Малайзия и Тайланд, быстро растут из-за активного роста их ВВП и внешней торговли.

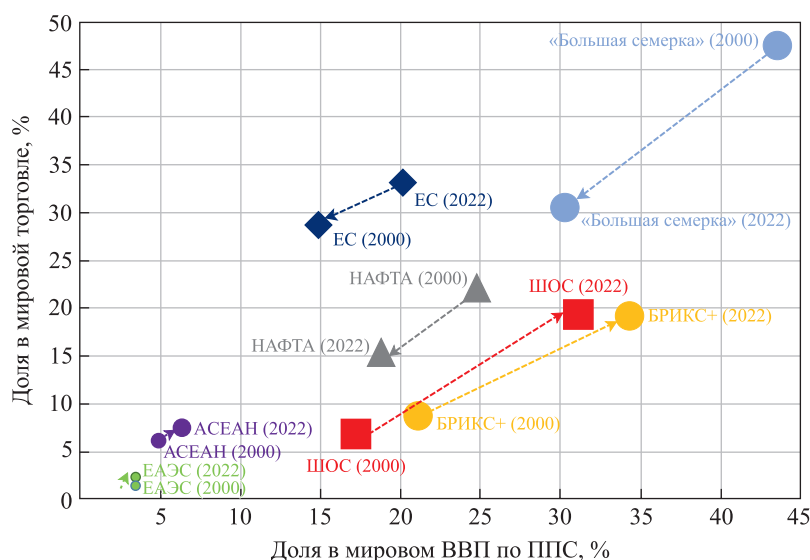

Рис. 3. Двухкоординатная модель роста значимости трансрегиональных объединений в мире в 2000–2022 гг. (расчитано по базе данных «Мировой экономический обзор» МВФ и базе данных ЮНКТАД)

Fig. 3. Two-coordinate model of the growing importance of transregional unions in the world in 2000–2022 (calculated from the IMF «World economic outlook» database and UNCTAD database)

На указанный процесс можно посмотреть и с исторической точки зрения. На рис. 4 изображены доли ведущих в мировой экономике стран и блоков в 1000–2022 гг. (данные получены на основе исследований лауреата Нобелевской премии С. Кузнеця (выходца из Беларуси) и его ученика А. Мэдисона [15], а также консенсус-прогноза [16]). Как видно из рисунка, китайская мечта о великом возрождении нации уже практически реализована, к 2050 г. экономика Китая составит почти треть мировой экономики и построит сообщество единой судьбы человечества *pan Sinica*.

О процессах биглобализации свидетельствует также изменение структуры мировой торговли (рис. 5): доля торговли внутри китайского «блока Юг» за 5 лет выросла практически в 2,5 раза, внутри «блока Север» (термины ЮНКТАД) она сократилась более чем на 20 %.

Создание наиболее крупного радиального китайского блока было порождено китайской инициативой «Один пояс, один путь», включающей почти 150 стран, в которые с 2013 г. Китай ежегодно отправляет ПИИ в размере почти 400 млрд долл. США. Таким образом, около половины вывозимых китайских инвестиций идет в страны инициативы «Один пояс, один путь». При поддержке этих денег образованы десятки торговых зон и индустриальных парков, в том числе индустриальный парк «Великий камень» в Беларуси – лучший среди подобных китайских парков с сотнями предприятий, способствующих современной индустриализации стран по китайской модели модернизации, о которой объявлено на XX съезде Коммунистической партии Китая. По данным Национального банка Республики Беларусь, накопленные китайские ПИИ в Республике Беларусь к 2023 г. достигли почти 0,5 млрд долл. США.

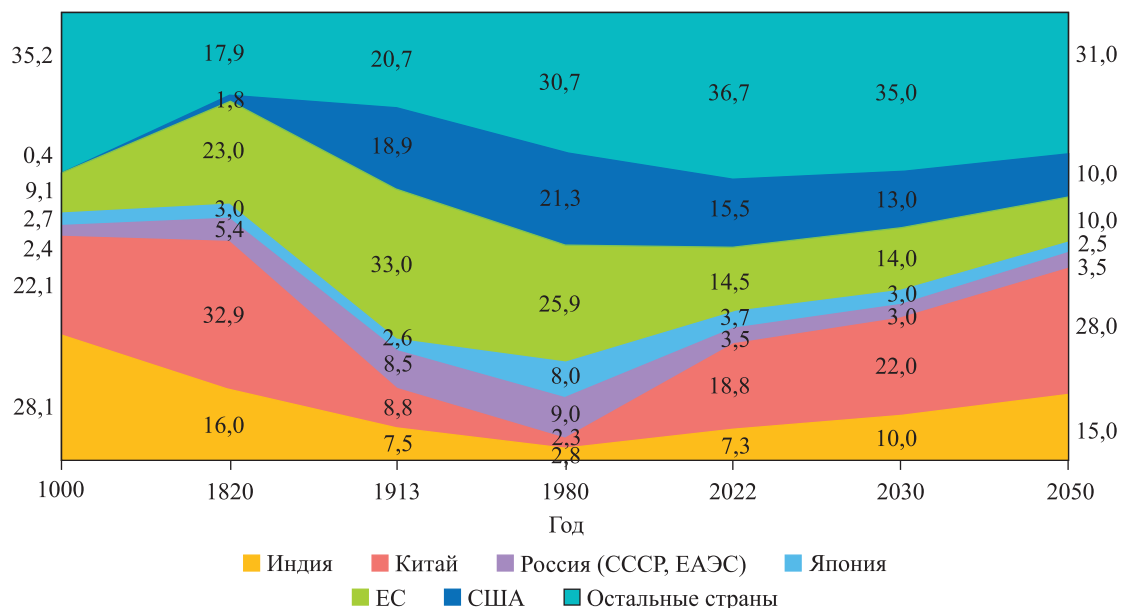

Рис. 4. Динамика ВВП по ППС стран и блоков стран в разные годы, %
(источник данных для периода 1000–1980 гг. – работа [6], для периода 1980–2022 гг. – данные МВФ, для 2030 и 2050 гг. – авторский консенсус-прогноз различных экспертов и организаций (банков «Голдман Сакс», «Эйч-эс-би-си» и Центра перспективных исследований и международной информации))

Fig. 4. Dynamics of GDP by PPP for countries and blocks of countries in different years, %
(source of data for the period 1000–1980 is work [6], for the period 1980–2022 is IMF, for 2030 and 2050 is author's consensus forecast of various experts and organisations (Goldman Sachs, HSBS, CEPII))

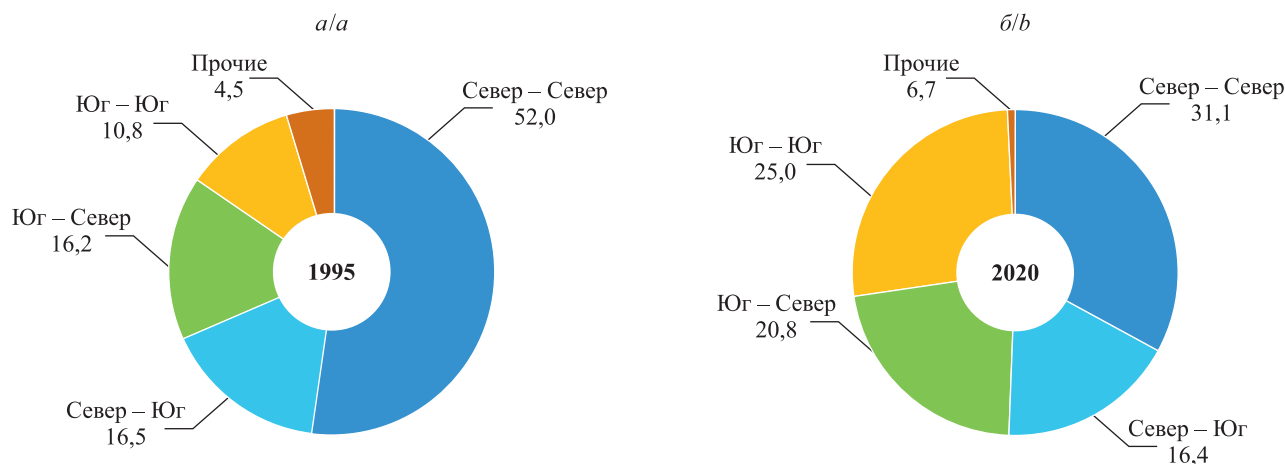

Рис. 5. Структура мировой торговли (экспорт) в 1995 г. (а) и 2020 г. (б) между блоками
(составлено по данным ЮНКТАД)

Fig. 5. Structure of world trade (exports) in 1995 (a) and 2020 (b) between the blocs
(compiled from UNCTAD data)

Особенно значителен вклад Китая в строительство транспортной инфраструктуры стран инициативы «Один пояс, один путь», предназначенной для облегчения логистики взаимной торговли. По данным Американского института предпринимательства, общая сумма выданных китайских кредитов Фонда Шелкового пути, Азиатского фонда инфраструктурных инвестиций и других фондов достигла 531 млрд долл. США. Наибольшие суммы Китай по 2022 г. вкладывал в строительство инфраструктуры: в Пакистане 49,4 млрд долл. США, Саудовской Аравии 36,8 млрд долл. США, ОАЭ 29,1 млрд долл. США, Нигерии 28,5 млрд долл. США, Индонезии 27,9 млрд долл. США, Алжире 26,5 млрд долл. США, России 26,0 млрд долл. США, Малайзии 23,3 млрд долл. США, Бангладеш 22,9 млрд долл. США. Благодаря построенной логистике китайский экспорт в страны инициативы «Один пояс, один путь» вырос с трети до половины от суммарного.

В 2023 г. Китай модернизировал инициативу «Один пояс, один путь», которая является первым крупным региональным блоком, возглавляемым Китаем. Новую версию назвали «Один пояс, один путь – 2». Ее основная цель остается прежней – строительство глобального китайского мира, сообщества единой судьбы человечества, однако больше внимания в ней уделяется новым мировым трендам (цифровой и экологический шелковый путь), взаимным (а не только китайским) инвестициям стран инициативы «Один пояс, один путь», расширению свободной от американского доллара зоны расчетов и вытеснению западного миропорядка китайским видением глобализации.

Вторым и самым крупным региональным блоком, в котором Китай – безусловный экономический лидер (при одинаковом участии других стран), является БРИКС+. Суммарный ВВП по ППС этого блока достиг 50,8 трлн долл. США и составляет 35 % от мирового ВВП по ППС (по данным МВФ), доля его населения составляет 45 % от мирового населения (ООН), доля в мировой торговле – 20 % (ВТО). Страны БРИКС+ имеют разные геополитические интересы, особенно Китай и Индия, однако эффективно сотрудничают: экономическое сотрудничество кредитует созданный Новый банк развития БРИКС+, а платежи будут осуществляться через систему BRICS Pay. Беларусь стремится стать наблюдателем в БРИКС+, что позволит, например, присоединиться к «новой архитектуре БРИКС+» в сфере науки, образования, технологий и инноваций [2].

Третьим блоком после инициативы «Один пояс, один путь» и БРИКС+ по экономической (треть мирового ВВП по ППС) и демографической (почти половина населения планеты) мощи является ШОС, которая от координации усилий по безопасности перешла к развитию экономического, научного и культурного сотрудничества [1].

При сравнении двух глобальных миров важно учитывать экономическую значимость в мире их лидеров – Китая и США. Она отражена на рис. 6, из которого видно, что Китай превосходит США по населению более чем в 4,0 раза, по экспорту в 2,3 раза, по размерам экономики (ВВП по ППС) в 1,2 раза, по ВВП по обменному курсу Китай пока немного уступает США.

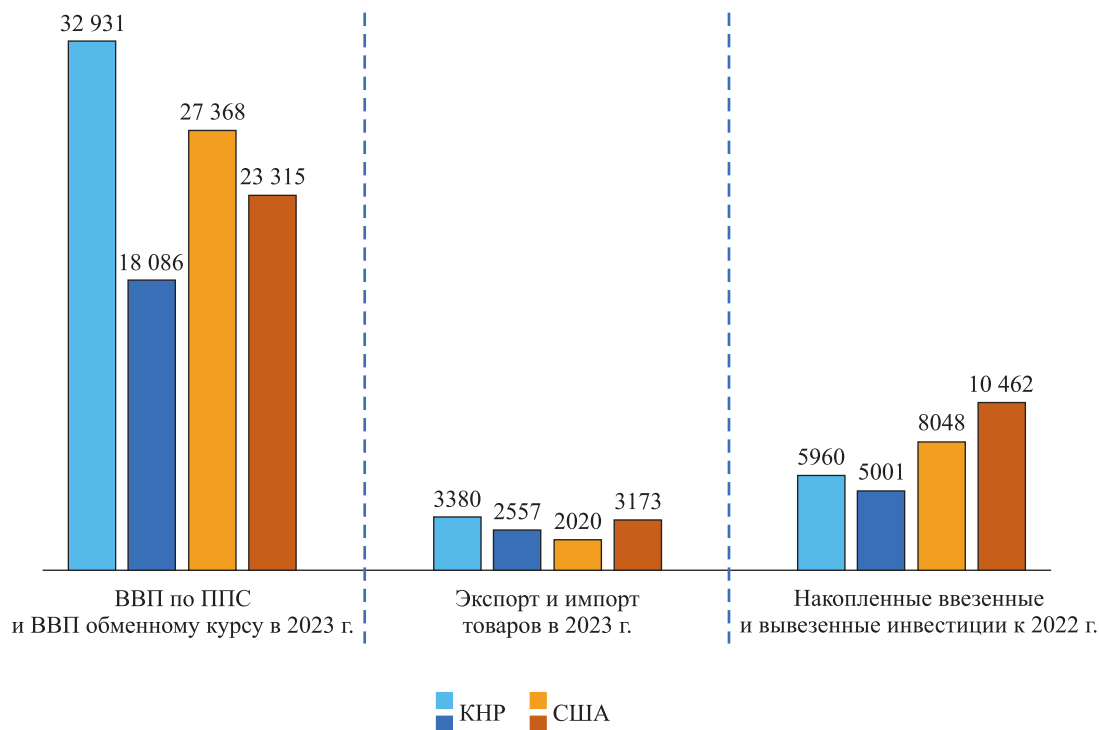

Рис. 6. ВВП по ППС и ВВП по обменному курсу США и Китая с САР, экспорт товаров и накопленных ввезенных и вывезенных инвестиций (Китай без САР) в 2022 и 2023 гг., трлн долл. США (рассчитано по базам данных МВФ, ВТО, ЮНКТАД)

Fig. 6. GDP at PPP and GDP at exchange rates of the USA and China with special administrative regions, exports of goods and accumulated imported and exported investment (China without special administrative regions) in 2022 and 2023, trln US dollars (calculated from the IMF, WTO, UNCTAD databases)

Впечатляет вклад в мировую торговлю Китая со своими САР: его товарный экспорт достиг 14,7 % от мирового экспорта, увеличившись по сравнению с 2000 г. в 5 раз. Доля Китая в мировой торговле стала практически одинаковой с его долей в мировом ВВП, что нетипично для крупных государств, у которых

экспортная квота обычно невелика. За это время доля США в мировом экспорте стала почти в 2 раза меньше доли Китая, снизившись с 12 до 8 %. Растущий экспорт Китая привел к дефициту торговли США и ЕС, уменьшив рост их ВВП, т. е. дешевые китайские товары, улучшая жизнь населения США и ЕС, затормозили их экономический рост, вытеснив производство собственных товаров. В то же время потребность средних и низших слоев населения западных стран в дешевых китайских товарах не позволяет ограничить их ввоз. Из-за больших (на данный момент наблюдается их уменьшение) объемов торговли между Китаем и США, Китаем и ЕС мир сохраняет торговые связи двух глобализаций, которые значительно ослабевают из-за ограничений на товарные потоки высокотехнологичных товаров.

Главный торговый партнер Китая в мире, как видно из рис. 7, – динамично развивающийся блок АСЕАН, с которым он заключил соглашение о зоне свободной торговли товарами, услугами и капиталом. Кроме того, динамично растет торговля между ЕАЭС и странами АСЕАН. Перспективными для экспорта многих белорусских товаров являются крупные страны, входящие в АСЕАН, а также Индонезия и Вьетнам.

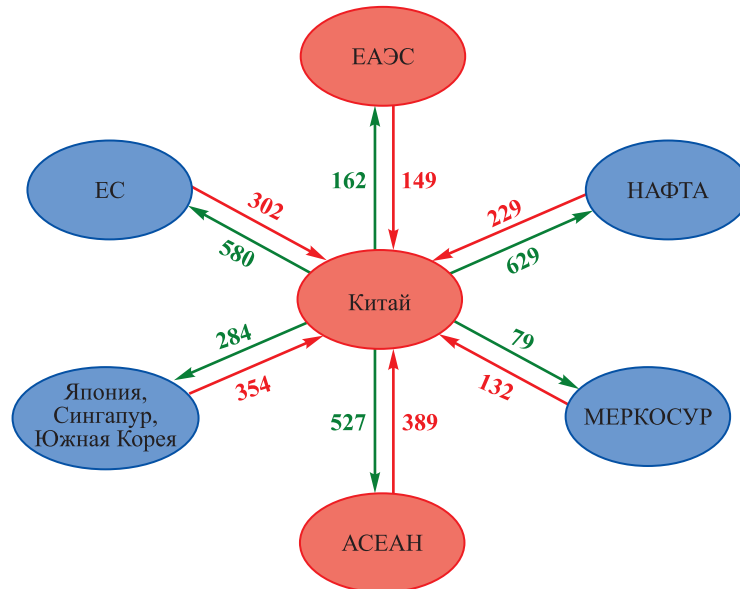

Рис. 7. Главные торговые потоки Китая в 2023 г. В ЕС в данном случае включена Великобритания. Красным цветом обозначен объем импорта, зеленым цветом – объем экспорта в млрд долл. США (рассчитано по базе данных Международного торгового центра)

Fig. 7. China's main trade flows in 2023.

EU in this case includes UK. Red colour marks the volume of import, green colour marks the volume of export in bln US dollars (calculated from the International Trade Centre database)

Торговля Китая со странами ЕАЭС выросла за 5 лет в 2,2 раза до 311 млрд долл. США. Для России и Беларуси в условиях санкций Китай стал основным внешнеторговым партнером. Объем торговли Китая с ЕС и НАФТА до 2022 г. увеличивался, в 2023 г. он сократился на 13 %. От импорта из Тайваня Китай получает 200 млрд долл. США.

Важнейшие показатели мировой экономики Китая, США и ЕС содержатся в табл. 3, где для выяснения их позиции в мире приводятся данные по ЕАЭС. В 2023 г. суммарно ВВП по ППС Китая с САР достиг 33,5 трлн долл. США. Если к этому значению прибавить ВВП Индии (13,3 трлн долл. США) и 5 главных стран АСЕАН (3,2 трлн долл. США), то получим 50,0 трлн долл. США, тогда как США, ЕС и Великобритания имеют 47,9 трлн долл. США. По обменному курсу ВВП у Китая с САР составляет 18,1 трлн долл. США. В ЕС данный показатель равен 18,3 трлн долл. США, в США – 27,4 трлн долл. США. Таким образом, доля в мировой экономике Китая, Индии, стран АСЕАН почти сравнялась с долей США, ЕС и Великобритании, а США уступают экономическое лидерство Китаю.

Траектория движения больших и сверхбольших стран с 2000 по 2022 г. в предложенной системе координат отображена на рис. 8 и 9. Эта система координат показывает направление движения стран. В кластер сверхбольших включены страны с долей в экономике в 2022 г. более 4,0 % и долей населения более 1,5 %, соответствующие показатели стран составляют более 0,4 и 0,8 %. Рисунки позволяют увидеть глобальный процесс XXI в. – стремительное снижение геополитической значимости США, ЕС, Великобритании, Японии, Бразилии, Мексики и быстрорастущее мировое влияние Китая, Индии, Индонезии, Турции, Вьетнама.

Таблица 3

Динамика важнейших показателей Китая и США, а также ЕС и ЕАЭС
в мировой экономике XXI в., млрд долл. и их доли в мировой экономике и торговле, %

Table 3

Dynamics of the most important indicators of China, USA, EU, EAEU
in the world economy of the 21st century, bln US dollars and their shares in the world economy and trade, %

Показатели	Страна или объединение	Год		
		2000	2010	2023
ВВП по ППС (числитель), доля в мировом ВВП по ППС (знаменатель)	Китай	$\frac{3657}{7,248}$	$\frac{12\,283}{13,643}$	$\frac{32\,931}{18,734}$
	США	$\frac{10\,251}{20,314}$	$\frac{15\,049}{16,715}$	$\frac{27\,358}{15,563}$
	ЕС	$\frac{10\,689}{20,249}$	$\frac{14\,617}{16,232}$	$\frac{25\,411}{14,162}$
	ЕАЭС	$\frac{1345}{2,658}$	$\frac{3572}{3,958}$	$\frac{6165}{3,507}$
Экспорт товаров (числитель), доля в мировом экспорте товаров (знаменатель)	Китай	$\frac{249}{3,858}$	$\frac{1578}{10,312}$	$\frac{3380}{14,212}$
	США	$\frac{782}{12,177}$	$\frac{1278}{8,352}$	$\frac{2194}{9,225}$
	ЕС	$\frac{2172}{33,654}$	$\frac{4768}{34,159}$	$\frac{7194}{30,248}$
	ЕАЭС	–	$\frac{482}{3,150}$	$\frac{554}{2,329}$
Экспорт услуг (числитель), доля в мировом экспорте услуг (знаменатель)	Китай	$\frac{30}{1,971}$	$\frac{178}{4,463}$	$\frac{381}{4,804}$
	США	$\frac{289}{18,528}$	$\frac{582}{14,594}$	$\frac{999}{12,596}$
	ЕС	–	$\frac{1458}{35,958}$	$\frac{2878}{36,288}$
	ЕАЭС	–	$\frac{59,7}{1,497}$	$\frac{68,9}{0,869}$

Примечание. Рассчитано по базе данных «Мировой экономический обзор» МВФ и базе данных ВТО.

Обозначим некоторые отличительные черты китайской части глобального мира, с которым транс-регионально взаимодействуют ЕАЭС и Беларусь. К этим чертам относятся следующие:

- доминирование взаимной торговли и поддерживающей ее транспортной инфраструктуры;
- использование китайских инвестиций и займов в целях доступа к природным ресурсам, технологиям и инновациям, а также в целях увеличения китайского экспорта для загрузки мощностей;
- стремление к созданию и внедрению современных технологий и инноваций на основе совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- подписание соглашений о свободной торговле и создание зон свободной торговли (без таможенных платежей в странах инициативы «Один пояс, один путь»)⁶;
- наличие огромного золотовалютного запаса у Китая (более 3,5 трлн долл. США, 0,5 трлн долл. США из которых принадлежат Гонконгу), в том числе около 2 тыс. тонн золота, угрожающего финансовым сокращением США и выступающего фундаментом для распространения второй резервной валюты – юаня;
- доминирование цифровой глобализации, в том числе трансграничной электронной торговли, цифровой логистики и цифровых деловых услуг.

⁶Такие соглашения уже подписаны с 26 странами, контролирующими треть мировой торговли.

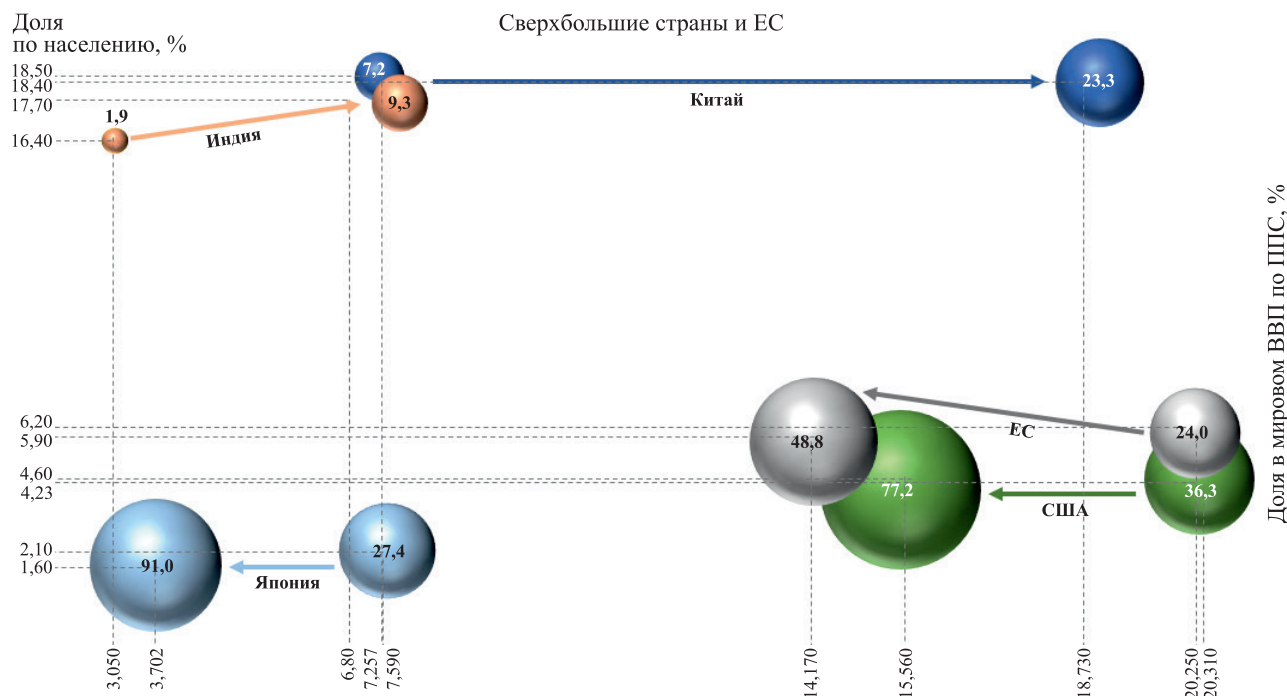

Рис. 8. Динамика важнейших показателей у сверхбольших стран и ЕС в XXI в.

Стрелка указывает направление движения страны с 2000 по 2022 г.

Размер шара адекватен значению ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США) (рассчитано по базе данных «Мировой экономический обзор» МВФ и базе данных ООН по народонаселению)

Fig. 8. Dynamics of the most important indicators of super major countries and EU for the 21st century. The arrow indicates the direction of the country's movement from 2000 to 2022.

The size of the ball is adequate to the value of GDP in PPP per capita (thsd US dollars) (calculated from the IMF «World economic outlook» database and the UN Population database)

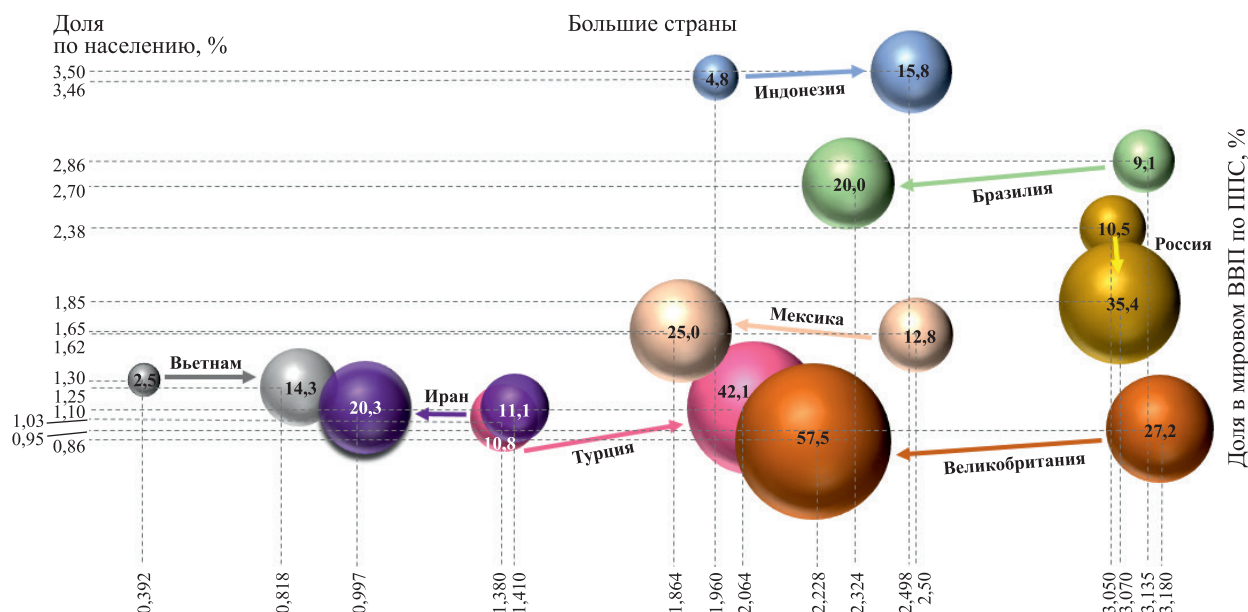

Рис. 9. Динамика важнейших показателей у больших стран за XXI в.

Стрелка указывает направление движения страны с 2000 по 2022 г.

Размер шара адекватен значению ВВП по ППС на душу населения (тыс. долл. США) (рассчитано по базе данных «Мировой экономический обзор» МВФ и базе данных ООН по народонаселению)

Fig. 9. Dynamics of the most important indicators of major countries for the 21st century.

The arrow indicates the direction of the country's movement from 2000 to 2022.

The size of the ball is adequate to the value of GDP in PPP per capita (thsd US dollars) (calculated from the IMF «World economic outlook» database and UN Population database)

Цифровизация и трансрегионализация

В исследовании Глобального института МакКинзи [8] и монографиях [5; 6] было введено понятие цифровой глобализации как новой стадии глобализации, отличительной чертой которой является опережающий рост трансграничных потоков данных и информации по сравнению с потоками товаров, а также проанализировано влияние новых процессов цифровой глобализации на национальные экономики. В работах [17–22], в которых рекомендованы механизмы адаптации региональных объединений к цифровой глобализации в целях избежания цифрового разрыва и цифрового неравенства, рассматривалось их воздействие на региональные объединения. Однако малоисследованными остаются научные проблемы, касающиеся влияния цифровизации трансграничных потоков товаров и услуг, капитала и труда (удаленная работа) на трансрегиональные объединения. Именно цифровые технологии послужили причиной появления новых возможностей для трансрегиональной глобализации национальных бизнес-процессов, чем воспользовались страны, лидирующие в создании инноваций (Китай, США, Сингапур, Израиль, Южная Корея и др.), обеспечив синергические эффекты как для своих трансрегиональных объединений, так и для всей мировой экономики за счет снижения трансграничных транзакционных издержек и включения в цифровую глобализацию малых и средних предприятий. Если первый этап цифровой глобализации был связан с цифровизацией и трансграничным распространением традиционных товаров (книг, музыки, фильмов и т. д.), то нынешний второй этап характеризуется цифровой интеллектуализацией технологических процессов и бизнес-процессов. Наличие ряда умных (*smart*) процессов существенно помогает трансрегионализации.

Умное распределенное трансграничное производство, включая реализацию товаров (*smart industry*, или *industry 4.0*), благодаря промышленному интернету вещей, позволило быстро перенастраивать производство с учетом индивидуального спроса глобального потребителя с помощью ИИ и больших данных, которые внедряются на платформы электронной торговли и цифровой транспортной логистики. Цифровые маркетинговые экосистемы радикально изменили поиск клиентов и дали новые возможности для коммуникации с ними при помощи социальных сетей *Facebook*, *Instagram*, *TikTok* и видеохостинга *YouTube*. Организации умных трансграничных производств и реализаций способствовали также умные контракты. В результате трансграничная электронная торговля (*cross-border e-commerce*, СВЕС) сдерживает стагнацию традиционной международной торговли и стимулирует трансграничное производство, достигнув в 2022 г., по данным компании *Statista*, 3,5 трлн долл. США от общего объема электронной торговли, который составляет 5,7 трлн долл. США; среднегодовой прогноз роста трансграничной электронной торговли до 2030 г. составляет 25 %. Являясь мировым лидером по СВЕС, Китай сделал ее движущей силой своей внешней торговли и увеличил ее объем за последние 5 лет в 10 раз (до 331 млрд долл. США, что составляет 15,6 % внешней торговли) за счет 290 комплексных пилотных зон и 690 парков СВЕС. С помощью платформ СВЕС типа *Alibaba* Китай включил в глобализацию малый бизнес, дав его представителям инструмент для интернационализации продаж товаров и услуг (в ЕАЭС аналогичную функцию выполняют маркетплейсы *Ozon* и *Wildberries*). Особое значение имеют цифровые экосистемы взаимной СВЕС внутри трансрегиональных объединений. Трансграничному производству благодаря оцифровке карт и системам геолокации типа GPS способствует цифровая логистика, существенно снизившая во всем мире его стоимость (экосистемы для грузовых перевозок наподобие *Uber* и *Yandex* и др.).

Умные электросети (*smart grid*) позволили перебрасывать излишки электроэнергии из страны в страну в рамках региональных и трансрегиональных объединений, используя разницу во времени, влияющую на различия в энергопотреблении.

Умное сельское хозяйство (*smart agriculture*) приближает переработку к местам потребления продуктов и делает ее международной, поскольку национальная продовольственная безопасность заменяется региональной и трансрегиональной продовольственной безопасностью в блоках дружественных стран.

Умные города (*smart cities*) представляют собой города, которые являются интегрированными в глобальные сети знаний и проектов и формируют трансрегиональные инновационные кластеры. Цифровые трансграничные экосистемы обмена научной информацией и сетевого взаимодействия ученых и проектировщиков из умных городов преобразовывают национальные инновационные системы, построенные с применением модели тройной спирали по Ицковицу государство – бизнес – наука, в трансрегиональные системы с четырьмя элементами: государством, бизнесом, наукой и зарубежными участниками [17]. Экосистемы взаимодействия ученых и проектировщиков из разных стран мира, работающих над одной технологией (проектом), резко ускоряют ее создание (например, китайская платформа *China CC Flying* сократила время проектирования самолета C919 до года за счет привлечения квалифицированных зарубежных специалистов). Глобальный институт МакКинзи сообщает, что 85 % современных технологических стартапов трансграничны [8].

Умная дистанционная медицина (*smart e-health*) сделала медицинский консалтинг транснациональным благодаря современным платформам. Многие медицинские услуги осуществляются за рубежом. Так, зубные протезы изготавливаются в странах, где такое производство является более дешевым, по компьютерным моделям, переданным по интернету.

Умное образование (*smart e-education*) включает в себя использование оцифрованных лекций, распространяемых в видеохостинге *YouTube*, и применение ИИ в качестве репетитора. Такие технологии предоставили новые возможности для трансграничного получения образования в лучших университетах мира у лучших преподавателей, не требуя при этом выезда за рубеж. Однако появился и мешающий учебе интернет-рынок по изготовлению контрольных, курсовых и дипломных работ в странах, где оплата за подготовку данных работ относительно невелика.

Умные деньги (*smart money*) представляют собой цифровые финансовые технологии. Международные криптовалюты создали новые системы мгновенных цифровых платежей и позволили инвесторам, избегая посредников, собирать инвестиции или принимать и реализовывать биржевые решения. Изобретение криптовалюты – нового типа частных денег (по Хайеку), эмитируемых не центральными банками, а компьютерами (по Фридману), – имеет феноменальное значение. Она постепенно подтверждает свой статус удобного трансграничного платежного и инвестиционного средства. Национальные цифровые валюты, на наш взгляд, не имеют будущего и дублируют безналичные фиатные деньги.

Умные нейросети (*smart neural networks*) и крупные платформы облачных сервисов удешевили хранение информации и ее интеллектуальную обработку, а также вывели эти процессы на интернациональный уровень благодаря эффекту концентрации и масштаба.

Умный туризм (*smart tourism*) – умные цифровые платформы туристических услуг – избавил туроператоров от мелких посредников, а отели от затрат на маркетинговые исследования и рекламные кампании. В результате туристические услуги и трансграничное бронирование отелей стали осуществлять сами клиенты.

Все выделенные новые умные процессы являются трансграничными и создают базу для единой умной экономики трансрегиональных объединений. О цифровизации внешнеэкономической деятельности свидетельствует рост экспорта услуг (см. табл. 3) и доли услуг, оказываемых, как правило, в цифровой форме (рис. 10). За 22 года XXI в. на 22,8 % увеличилась доля услуг, оказываемых в цифровой форме, к которым отнесены телекоммуникационные, компьютерные и информационные, страховые, финансовые, интеллектуальные, деловые услуги и бизнес-услуги. Из названных услуг в 2022 г. лидируют бизнес-услуги, а также телекоммуникационные, компьютерные и информационные.

По данным ВТО, к 2022 г. доля Китая на мировом рынке товаров для сферы информационно-коммуникационных технологий составила 37,0 % и на мировом рынке услуг в указанной сфере – 9,1 %, тогда как доля США – только 6,9 и 6,2 %, а доля России – 0,1 и 1,4 % соответственно.

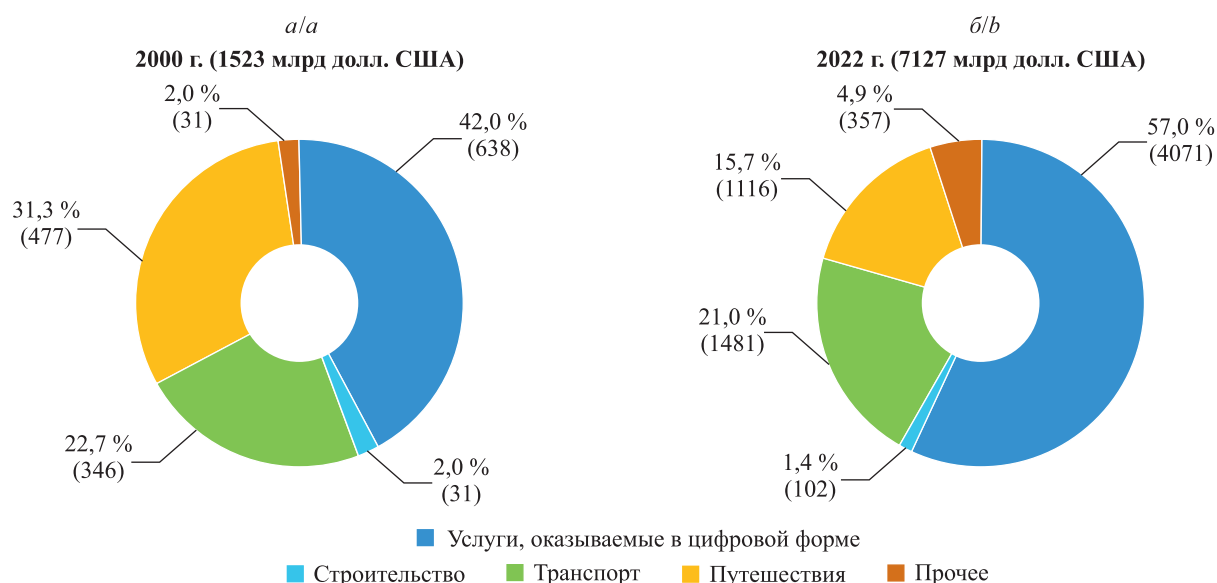

Рис. 10. Структура мирового экспорта услуг в 2000 г. (а) и 2022 г. (б).

В скобках указан объем в млрд долл. США
(рассчитано по базе данных ВТО)

Fig. 10. Change in the structure of world services exports in 2000 (a) and 2022 (b).

The volume in brackets is in bln US dollars
(calculated from the WTO database)

Индикаторы цифровой биглобализации и трансрегионализации

Успешное развитие регионального объединения требует экономической конвергенции (выравнивания развития) ее членов, в меньшей степени это касается трансрегиональных объединений. Тем не менее нужны современные методики измерения конвергенции стран в трансрегиональной глобализации, т. е. сравнения темпов выравнивания их потенциала и результатов цифровой биглобализации. Десятки существующих рейтингов глобализации и цифровизации включают все больше индикаторов, характеризующих степень интеграции страны в процессы цифровой биглобализации. Данные рейтинги можно использовать для сравнения скорости конвергенции.

Одной из проблем, возникающих при анализе цифровой конвергенции или коллективной экономической безопасности, является недостаточность в базах данных информации, которая характеризует эти процессы. Кроме того, проблемами при применении рейтинговых методов анализа выступают субъективность выбора показателей и присвоение им весов, а также их избыточность: как правило, рейтинги содержат с десяток общих макроэкономических показателей, измеряющих качество регулирования либерально-рыночных отношений в стране. Как следствие, страны (даже мировые лидеры), использующие отличные от западных экономические системы, получают более низкие места в рейтингах. Детальнее проблемы построения моделей рейтингов и индикаторы эффективности региональных объединений описаны в работах [3; 22], а модели коллективной экономической безопасности – в статье [23]. Все эти модели применимы и в трансрегиональном анализе.

Как дополнение наиболее эффективен метод DEA, описанный в работе [15]. Он позволяет выявить, является ли оптимальной по Парето конвергенция страны в блок по выбранным потенциалу («входу») и результату («выходу»). В качестве потенциала естественно брать индикаторы, характеризующие взаимное сотрудничество (торговлю, инвестиции и т. д.), в качестве результата – темп роста ВВП по ППС на душу населения (благополучие).

Приоритеты трансрегионализации ЕАЭС

Как налаживать трансрегиональное сотрудничество ЕАЭС в условиях цифровой биглобализации? Можно уверенно прогнозировать переход Союзного государства из-за санкций к инновационному рынку, в который будут втянуты и другие страны ЕАЭС [21]. Инновационный рынок ЕАЭС может быть подобен рынку СССР в индустриальном и космическом развитии и ускорен силами бизнеса и рынка. Страны ЕАЭС при поддержке Китая должны строить конкурентную инновационную экономику. Снижение экспорта российской нефти и газа будет означать переход России к устойчивому развитию, когда часть быстро истощающихся ресурсов достанется будущим поколениям. Кроме того, будут созданы производства по более глубокой переработке этих ресурсов.

Автором сформированы и предложены девять приоритетов развития ЕАЭС или, по крайней мере, Союзного государства с учетом санкций против России и Беларуси и описанных мировых трендов.

Первый приоритет – выдвижение проблемы высокотехнологичного промышленного развития стран ЕАЭС для занятия освободившихся после ухода западных конкурентов ниш на российском рынке. У ЕАЭС появился реальный шанс, участвуя в трансрегионализации, совершить четвертую промышленную революцию, обеспечить технологический суверенитет и приблизиться к цифровым странам инновационного ядра мира, что невозможно без интеграции научно-образовательного и инновационного пространства ЕАЭС на базе цифровых платформ с активным подключением к общим цифровым проектам БРИКС+, ШОС и инициативы «Один пояс, один путь».

Второй приоритет – коллективная экономическая безопасность трансрегиональных объединений, которая в новой цифровой биглобальной экономике становится особенно важной, поскольку защищает общие экономические интересы от потенциальных угроз и обеспечивает импортнезависимость, устойчивое развитие и повышение мировой конкурентоспособности на основе эффективного разделения труда. Необходимо выделить коллективные индикаторы экономической безопасности, определить их пороговые значения и построить сводные индексы коллективной экономической безопасности ЕАЭС и других трансрегиональных объединений, что позволит мониторить динамику коллективной экономической безопасности, как это указано в работе [22].

Третий приоритет – цифровизация трансрегионального взаимодействия. Основные направления цифровой политики и цифровой повестки ЕАЭС до 2035 г. успешно реализуются: гармонизируются правила ведения трансграничной электронной торговли, координируются действия по защите прав потребителей цифрового рынка. Несмотря на невысокий темп реализации, продолжается работа над проектами ЕАЭС по созданию экосистем «Работа без границ», «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий», «Цифровое техническое регулирование» и «Экосистема цифровых транспортных коридоров». Однако цифровая стратегия ЕАЭС должна стать драйвером и катализатором

не только регионального, но и трансрегионального сотрудничества. На данный момент общие усилия тормозятся национальными преградами для интеграции внутренних рынков в единый цифровой рынок ЕАЭС и его сочленением с аналогичными рынками в других интеграционных объединениях, которые касаются полноценной цифровизации государственных закупок с равным доступом; для создания экосистем электронной торговли, особенно в части отраслевых B2B; для создания экосистем общего рынка капитала; для принятия общих правил признания электронной подписи и юридической силы цифровых документов. В связи с этим важнейшими задачами цифровизации трансрегионального взаимодействия являются организация сотрудничества и выработка общей позиции ЕАЭС на переговорах о цифровом взаимодействии с блоками, возглавляемыми Китаем – мировым лидером в цифровой экономике. Цифровая трансформация экономик ЕАЭС должна осуществляться в трансрегиональном сотрудничестве с СНГ, ШОС, АСЕАН, БРИКС+, что требует гармонизации программ цифровизации. Важно также благодаря трансрегиональному сотрудничеству ускорить развитие собственной индустриальной базы цифровизации, т. е. производства современных чипов.

Ускорение реализации и повышение эффективности цифровой повестки ЕАЭС произойдут, если страны ЕАЭС сконцентрируются на главной цели цифровой трансформации – трансрегионализации добавленной стоимости в высокотехнологичной промышленности благодаря синергии промышленного интернета и цифровизации сервисных бизнес-процессов, интегрированных при помощи общих экосистем на всем пространстве китайского глобального мира. В реализации цифровых проектов ЕАЭС необходимо использовать огромный потенциал программистов, работающих пока на западные рынки, особенно представителей Парка высоких технологий в Республике Беларусь.

Четвертый приоритет – выстраивание эффективной логистики с учетом новых торговых потоков в рамках СНГ, ШОС, АСЕАН, БРИКС+. Подобные проекты окажутся успешными, если они будут встроены в инициативу «Один пояс, один путь» и их поддержит Китай.

Пятый приоритет – преодоление ограничений в финансовых расчетах, а также ускоренное строительство цифровой платежной экосистемы для расчетов в национальных валютах с торговыми партнерами в рамках трансрегиональных объединений. Для функционирования такой экосистемы необходимо создать межгосударственный расчетно-обменный банк, который возьмет на себя валютные риски и откроет корреспондентские счета в центральных банках всех участвующих стран. Далее в контрактах цена будет указываться в любой валюте, например в долларах США, но с припиской о том, что расчеты осуществляются платформой в реальном времени в национальных валютах по курсу, установленному на день перечисления. При накоплении избытка какой-нибудь валюты на корреспондентском счете расчетно-обменный банк продает ее соответствующему центральному банку. Ускорения требует и организация общего рынка капитала (во всяком случае, в ЕАЭС). Необходимо создать условия, при которых капитал богатых людей из стран, входящих в объединение, оставался бы внутри него и служил для развития экономической системы ЕАЭС или участвовал в проектах трансрегиональных объединений.

Шестой приоритет – налаживание партнерских отношений между правительствами и частным бизнесом стран трансрегиональных объединений с участием национальных и региональных банков развития (Евразийского банка развития, Азиатского банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Нового банка развития, Фонда Шелкового пути, Азиатского фонда инфраструктурных инвестиций). Налаживание партнерских отношений между правительствами и частными цифровыми компаниями, в том числе международными, является неотложной задачей для реализации общих цифровых проектов.

Седьмой приоритет – сотрудничество в области электроэнергетики, что определено ст. 81 Договора о Евразийском экономическом союзе, которая требует формирования общего электроэнергетического рынка. Несмотря на различия в законодательстве стран ЕАЭС и препятствия, с помощью 26 межгосударственных линий электропередачи постепенно формируется общий рынок электроэнергии в рамках ЕАЭС. Энергосистема Армении пока не имеет связи с энергосистемами других стран ЕАЭС. Необходимо дальнейшее развитие инфраструктуры для взаимной торговли электроэнергией как по срочным, так и по долгосрочным контрактам с постепенным созданием единой энергосистемы.

ЕАЭС имеет избыток электроэнергии: в объединении производится 5 % от мирового объема при общем ВВП примерно в 3 % от мирового. По этой причине возможности трансрегиональной торговли электроэнергией со странами из дружеских региональных объединений, особенно с учетом возможностей по строительству ядерных и угольных электростанций, огромны (запасы урана в Казахстане и России составляют четверть мировых, в этих странах производится почти половина мирового топливного урана). Чтобы реализовать такой план, требуется создание мостов для поставки электроэнергии из России и Казахстана в Китай, а также в Иран (через Грузию и Армению).

Перспективным является проект азиатского энергокольца, соединяющего ЕАЭС, Китай, Монголию и Корейский полуостров. Однако пока отсутствие достаточного количества мостов для экспорта электроэнергии с максимальной эффективностью и наименьшей себестоимостью ее передачи благодаря эффекту масштаба и временной разницы в энергопотреблении сдерживает экспорт электроэнергии.

Еще одно направление трансрегионального энергетического сотрудничества – переход к умным энергосистемам за счет их цифровизации. Такой совместный инновационный прорыв снизит потери в энергосетях и оптимизирует энергопотребление. Эффективность и интеллектуализация энергосистем – это стратегическое направление для инноваций.

Восьмой приоритет – организация взаимного туризма, а особенно привлечение туристов из Китая и стран ШОС, БРИКС+ с посещением ряда стран ЕАЭС (надо возродить советскую туристическую традицию цельных маршрутов по республикам Советского союза).

Девятый приоритет – создание эффективной системы по мониторингу реализации общих проектов ЕАЭС наподобие той, что предназначена для отслеживания статистики стран ЕАЭС.

Для реализации вышеперечисленных приоритетов необходимо ликвидировать главную проблему ЕАЭС – отсутствие средств по финансированию общих проектов в области логистики, инноваций, электроэнергетики и цифровизации. Возможно, следует применить опыт ЕС по направлению таможенных платежей (за вычетом сумм, идущих на содержание таможенных органов) в общий бюджет ЕАЭС и определить порядок его использования на общие инвестиционно-инновационные проекты.

В готовящихся документах «Стратегические направления развития ЕАЭС до 2035 г.» и «Стратегические векторы развития ЕАЭС до 2045 г.» могут быть учтены названные приоритеты, которые отражают новую реальность.

Библиографические ссылки

1. Господарик Е. Экономические возможности Беларуси в ШОС. *Банковский вестник*. 2022;9:13–24. EDN: NBRUOD.
2. Господарик ЕГ, Ковалёв ММ. Двухполярная глобализация. *Беларуская думка*. 2023;1:4–12.
3. Господарик ЕГ, Ковалёв ММ. Математическое моделирование эффектов интеграции на примере ЕАЭС. *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика*. 2023;1:36–50. EDN: HFZATO.
4. Глазатова МК, Аветисян СС, Алешин ДА, Арнетт СГ, Ахвердян ДН, Барсегян АС и др. *Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2023. 306 с.
5. Ковалёв ММ, Головенчик ГГ. *Цифровая экономика – шанс для Беларуси*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018. 328 с.
6. Головенчик ГГ. *Цифровая трансформация белорусской экономики в условиях цифровой глобализации*. Минск: ИВЦ Минфина; 2022. 356 с.
7. Ковалева ММ, Субботина ТП, редакторы. *Мир и Беларусь: аспекты устойчивого развития*. Минск: Технопринт; 2003. 78 с.
8. Manyika J, Lund S, Bughin J, Woetzel L, Stamenov K, Dhingra D. *Digital globalization: the new era of global flows. March 2016. Highlights*. New York: McKinsey & Company; 2016. 156 p.
9. Хейфец БА. *Видение глобальной экономики первой четверти XXI века*. Санкт-Петербург: Алетей; 2023. 632 с.
10. Организация Объединенных Наций. *Доклад о торговле и развитии – 2022. Перспективы развития в мире разделительных линий: глобальный беспорядок и региональные ответы*. Женева: Организация Объединенных Наций; 2023. 261 с.
11. Postel-Vinay K. Globalization 4.0 and new modes of international cooperation. *International Organisations Research Journal*. 2020;15(2):82–92. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-04.
12. Estrada MAR. The global dimension of the regional integration model (GDRI-model). *Modern Economy*. 2023;4(5):346–369. DOI: 10.4236/me.2013.45037.
13. Сопилко НЮ, Потанов ДА. Феномен трансрегиональных мегапроектов и их влияние на процессы экономической интеграции. *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2023;1:99–112. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-1-99-112.
14. Садовничий ВА, Акаев АА, Коротаев АВ, Малков СЮ. *Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики*. Москва: Наука; 2014. 382 с.
15. Maddison A. *The world economy: a millennial perspective*. Paris: OECD Publishing; 2001. 384 p.
16. Господарик ЕГ, Ковалёв ММ. *ЕАЭС-2050: глобальные тренды и евразийская экономическая политика*. Минск: Издательский центр БГУ; 2015. 152 с.
17. Господарик ЕГ, Ковалёв ММ. Роль цифровизации в интеграции научно-образовательного пространства ЕАЭС. *Цифровая трансформация*. 2023;29(1):13–22. DOI: 10.35596/1729-7648-2023-29-1-13-22.
18. Господарик Е, Ковалёв М. Анализ финансовых систем стран ЕАЭС и их влияния на экономический рост. *Банковский вестник*. 2020;8:18–25. EDN: ASCOEH.
19. Господарик ЕГ, Маснова ЕС. Эконометрические гравитационные модели взаимной торговли стран ЕАЭС. *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика*. 2021;2:77–91. EDN: BQTEN.
20. Господарик ЕГ, Ермак ВД. Моделирование влияния уровня образования и цифровизации на экономический рост. *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика*. 2022;2:81–92. EDN: OQWDWW.
21. Господарик Е, Ковалёв М. Перспективы ЕАЭС: экономический рост при инновационном рывке. *Банковский вестник*. 2020;4:39–48. EDN: QGQEL.
22. Господарик ЕГ, Ковалёв ММ. Коллективная экономическая безопасность ЕАЭС: постановка проблемы, индикаторы, сводный индекс. *Белорусский экономический журнал*. 2022;2:23–33. DOI: 10.46782/1818-4510-2022-2-23-33.
23. Господарик ЕГ, Ковалёв ММ. Математические модели рейтингового анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика*. 2023;2:4–19. EDN: OYCNAG.

References

1. Gospodarik C. Economic opportunities of Belarus in the SCO. *Bankovskii vestnik*. 2022;9:13–24. Russian. EDN: NBRUOD.
2. Gospodarik CG, Kovalev MM. [Bipolar globalisation]. *Belaruskaja dumka*. 2023;1:4–12. Russian.
3. Gospodarik CG, Kovalev MM. Mathematical modelling of integration effects using the example of the EAEU. *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2023;1:36–50. Russian. EDN: HFZATO.
4. Glazatova MK, Avetisyan SS, Aleshin DA, Arnett SG, Akhverdyan DN, Barsegyan AS, et al. *Otsenka integratsionnykh protsessov EAES v sfere torgovli: 2023* [Assessment of the EAEU integration processes in the sphere of trade in 2023]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki; 2023. 306 p. Russian.
5. Kovalev MM, Goloventchik GG. *Tsifrovaya ekonomika – shans dlya Belarusi* [Digital economy is a chance for Belarus]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2018. 328 p. Russian.
6. Goloventchik GG. *Tsifrovaya transformatsiya belorusskoi ekonomiki v usloviyakh tsifrovoi globalizatsii* [Digital transformation of the Belarusian economy in the context of digital globalisation]. Minsk: IVTs Minfina; 2022. 356 p. Russian.
7. Kovaleva MM, Subbotina TP, editors. *Mir i Belarus': aspekty ustoichivogo razvitiya* [World and Belarus: aspects of sustainable development]. Minsk: Technoprint; 2003. 78 p. Russian.
8. Manyika J, Lund S, Bughin J, Woetzel L, Stamenov K, Dhingra D. *Digital globalization: the new era of global flows. March 2016. Highlights*. New York: McKinsey & Company; 2016. 156 p.
9. Kheifets BA. *Videnie global'noi ekonomiki pervoi chetverti XXI veka* [Vision of the global economy of the first quarter of the 21st century]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2023. 632 p.
10. United Nations. *Trade and development report – 2022. Development prospects in a fractured world: global disorder and regional responses*. Geneva: United Nations; 2023. 261 p.
11. Postel-Vinay K. Globalization 4.0 and new modes of international cooperation. *International Organisations Research Journal*. 2020;15(2):82–92. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-04.
12. Estrada MAR. The global dimension of the regional integration model (GDRI-model). *Modern Economy*. 2023;4(5):346–369. DOI: 10.4236/me.2013.45037.
13. Sopilko NYu, Potapov DA. The phenomenon of the trans-regional megaprojects and their influence on the economic integration. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*. 2023;1:99–112. Russian. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-1-99-112.
14. Sadovnichy VA, Akaev AA, Korotayev AV, Malkov SYu. *Complex modeling and forecasting of the development of the BRICS countries in the context of the world dynamics*. Moscow: Nauka; 2014. 382 p. Russian.
15. Maddison A. *The world economy: a millennial perspective*. Paris: OECD Publishing; 2001. 384 p.
16. Gospodarik CG, Kovalev MM. *EAES-2050: global'nye trendy i evraziiskaya ekonomicheskaya politika* [The EAEU-2050: global trends and Eurasian economics policy]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2015. 152 p. Russian.
17. Gospodarik CG, Kovalev MM. The role of digitalization in the scientific and educational space integration of the EAEU. *Digital Transformation*. 2023;29(1):13–22. Russian. DOI: 10.35596/1729-7648-2023-29-1-13-22.
18. Gospodarik C, Kovalev M. Analysis of the EEU countries' financial systems and their impact on economic growth. *Bankovskii vestnik*. 2020;8:18–25. Russian. EDN: ACOEAH.
19. Gospodarik CG, Maenova ES. Econometric gravity models of mutual trade of the EAEU countries. *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2021;2:77–91. Russian. EDN: BQTEN.
20. Gospodarik CG, Yermak VD. Modelling the impact the level of education and digitalisation on economic growth. *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2022;2:81–92. Russian. EDN: OQWDWW.
21. Gospodarik C, Kovalev M. Prospects for the Eurasian Economic Union: economic growth under innovative burst. *Bankovskii vestnik*. 2020;4:39–48. Russian. EDN: QGQEJI.
22. Gospodarik CG, Kovalev MM. Collective economic security of the EAEU: statement of the problem, indicators, consolidated index. *Belarusian Economic Journal*. 2022;2:23–33. Russian. DOI: 10.46782/1818-4510-2022-2-23-33.
23. Gospodarik CG, Kovalev MM. Mathematical models of rating analyses. *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2023;2:4–19. Russian. EDN: OYCNAJ.

Статья поступила в редколлегию 28.03.2024.
Received by editorial board 28.03.2024.